

пристрелить, но это было только в двух семьях, на которые большое влияние оказали шаманы. Они проводили агитацию, что режут маленьким ножом, вынимают кусочек мяса больно, и потом болит долго» [Ахметова, 2013, с. 15].

Таким образом, советским государством была проведена большая работа по приобщению населения к чистоплотности, а также улучшению состояния их здоровья. Деятельность Комитета Севера и Красной Юрты имела положительное значение. Они проводили обходы юрт, агитировали население на здоровый образ жизни. Но также необходимо отметить, что политика государства по отношению к коренному населению имела и негативные последствия. Население Крайнего Севера не могло быстро приспособиться к новому укладу жизни, который был навязан им советской властью, не учитывающей самобытность населения и их обычаи.

Ахметова А. В. Медицинское обслуживание и устройство быта коренного населения Чукотки в дореволюционный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологии и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 2 (8). В 3 ч. Ч. III. С. 16—18.

Балицкий В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму. М., 1969.

Путинцева А. П. Дневники Красной юрты. Хабаровск, 2010.

ГАХК. Ф. 137.

УДК 94(47+57)

Ю. С. Пыльцын

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ТЕРСКОМ КАЗАЧЕСТВЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В статье раскрываются характерные черты и подходы советской историографии в изучении истории Терского казачества в 1917—1920 гг. Терское казачество рассматривалось в русле традиционной марксистской историографии — с классовых позиций. С одной стороны, это давало определенные преимущества (детально изучалось состояние экономики, аграрного вопроса в Терской области), но, с другой стороны, сводило конфликт в таком сложном регионе, как Кавказ, к упрощенному представлению о столкновении между «бедными» и «богатыми».

Ключевые слова: Терское казачество; историография; Гражданская война в России.

Всю советскую историографию можно условно разделить на два периода. Началом первого этапа является 1917 г., а концом — 1960-е гг.

На этом этапе издавались исследования общего плана — об установлении советской власти на Северном Кавказе [см., напр.: Буркин]. Само начало изучения Гражданской войны советская историография традиционно связывала с трудами В. И. Ленина. Первый этап Гражданской войны относится к 1918—1920 гг., уже тогда появляются очерки, воспоминания и статьи. Их издавала Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. при Всероссийском Главном штабе, политические управления фронтов и соединений Красной Армии, партийные комитеты, исполкомы и ревкомы [Шерман, с. 8].

Серьезную работу по публикации материалов из истории Гражданской войны проводили журналы истпартов, выходившие с 1921—1922 гг.: «Пролетарская революция» — орган Центрального истпарта, «Красная летопись» — Петроградского, «Летопись революции» — Украинского, «Путь революции» — Казанского, «Вперед» — Белорусского, «Красная боль» — Самарского, «Революционное былое» — Тульского, «Красная летопись Туркестана» — Ташкентского и др. [Там же, с. 12].

Большую роль в изучении опыта Гражданской войны сыграли военно-научные журналы: «Армия и революция», «Военная мысль», «Красный Флот», «Революция и война» и др. Со второй половины 1920-х гг. они стали военно-пропагандистскими журналами и прекратили публикацию военно-исторических работ [Там же, с. 14]. Всего на протяжении 1920-х гг. по истории Гражданской войны было опубликовано около 1200 названий сборников, отдельных книг, статей, воспоминаний и документальных подборок в журналах [Там же, с. 15].

Основной темой в 1920—1950-е гг. было изучение общего хода войны на фронтах и героическая борьба «армии и народа» против Белых армий и союзных им сил. С 1960-х гг. в преддверии пятидесятилетия Октябрьской революции 1917 г. региональные издательства стали выпускаться в свет десятки книг (от научных монографий до брошюр) по истории установления советской власти на Кавказе. Надо отметить, что, поскольку в административном плане Северный Кавказ был разделен на множество республик, то выходило довольно много книг под среднестатистическим названием «Борьба за советскую власть в... (далее указывалось название республики)». Другое дело, что в некоторых таких работах вообще не упоминается Терское казачество [см., напр.: Берберов].

Советская историография рассматривала Гражданскую войну в Терской области исключительно как конфликт «эксплуатируемых» и «эксплуататоров». Конфессиональный, этнический фактор не учитываются. Все конфликты в этой области подавались как «провокации казачьего офицерства, кулаков, а также горских князей и дворян». Советской власти

противостояли «буржуазные националисты, бывшие царские генералы и полковники, попы и муллы, алдаро-баделята (кабардино-осетинская знать. — Ю. П.) и кулачество» [Октябрьская революция и Гражданская война в Северной Осетии, с. 78] и банды, «руководимые казачье-осетинским офицерством, князьями, английскими агентами и эсерами» [Там же, с. 7]. Даже такой феномен, как Узун Хаджи и его «шариатская монархия», трактовался как очередная «марионетка» интервентов.

Одной из самых ранних работ, изданной в 1933 г., является работа Н. Г. Буркина «Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа». Классовый состав противников советской власти в данной работе оценивается как буржуазно-дворянский [Буркин, с. 17]. Тяжелая межэтническая ситуация нисколько не приукрашивается. Хотя и говорится, что сразу же после октябрьских событий в Петрограде Караулов и Терско-Дагестанское правительство начали «вооружать казаков и направлять их на горцев и рабочих» [Там же, с. 17]. Прямо указано, что между казаками и чеченцами и ингушами шла война [Там же, с. 20, 29].

Одной из «фундаментальных» работ стал пятитомник «История Гражданской войны в СССР». В нем приведена традиционная для советской историографии характеристика межнациональной ситуации: «Князья, помещики, кулаки усиленно разжигали межнациональную рознь» [История Гражданской войны, 1943, с. 80]. Терско-Дагестанское правительство характеризуется как попытка казачьей и горской контрреволюции помешать установлению советской власти на Тереке [Там же, с. 81]. Взаимоотношение Терского казачьего войска с деникинским режимом подробно не исследуется. От власти белых, по мнению авторов, выиграла лишь зажиточная верхушка казачества, которая захватила часть земли иногородних [История Гражданской войны, 1958—1960, с. 231].

Из региональных изданий следует упомянуть книгу М. А. Абазатова. За напряженную аграрную и межнациональную обстановку на Кавказе, по мнению автора, несет ответственность «царизм», с его «великодержавной шовинистической» политикой, а также стратегией «разделяй и властвуй» [Абазатов, с. 14]. Основными зачинщиками сопротивления советской власти на Тереке объявлялись «казачьи, осетинские, кабардинские и чечено-ингушские контрреволюционеры», которым «всеми средствами помогали буржуазные правительства меньшевиков, дашнаков и мусаватистов» [Там же, с. 22].

Описывая I съезд народов Терека, при анализе вопроса о мире между чеченцами и ингушами с одной стороны и казаками — с другой, Абазатов подчеркивает, что «казачья беднота» на Сунженской линии установила дружеские отношения с «трудовыми ингушами и чеченцами» [Там же,

с. 39]. Взаимодействие казачества с деникинской властью после ухода большевиков с Терека в работе не анализируется. Говорится лишь, что Деникина поддерживала «контрреволюционная верхушка казачества» [Там же, с. 107]. Но упоминается, что терцы служили в армии Деникина [Там же, с. 207].

О сотрудничестве терцев с Красной армией в период администрации ВСЮР на Кавказе также нет информации. Подробно описывается действие красных партизан. Но «ареалы» действий этих отрядов находились в горах, и сам этнический состав был по преимуществу горский. Русские в отряде по социальному происхождению относились в основном к рабочим, а казаков было крайне мало (известно, что в отряде Гикало служил лидер красных сунженских казаков А. З. Дьяков).

Упоминаются казаки и в монографии С. Д. Кулова. Основными антагонистами народных масс традиционно называются горские и казачьи верхи [Кулов, с. 14]. Бичераховское восстание традиционно характеризуется как «контрреволюционный мятеж» [Там же, с. 27].

В книге В. Д. Кучиева «Октябрь и советы на Тереке: 1917—1918» противостояние в Терской области трактуется традиционно: борьба революционных «низов» против контрреволюционного офицерства и горской верхушки. Деморализация контрреволюционных сил ставится в заслугу умелой большевистской пропаганде [Кучиев, с. 80].

В работе А. П. Лежавы причины Гражданской войны определены следующим образом: малочисленность и слабость рабочего класса, этническая пестрота населения, культурная отсталость, значительная прослойка кулачества, особенно среди казачества [Лежава, с. 79]. О Деникине сообщается, что он проводил политику русификации и восстанавливал привилегии казачества [Там же, с. 87]. Однако после его поражения и в результате большевистской агитации многие казаки стали переходить к красным партизанам [Там же, с. 87—88].

В работе «Октябрьская революция и Гражданская война в Северной Осетии» также присутствуют все основные положения советской историографии по Гражданской войне в Терской области. Отмечается, что причиной Гражданской войны было стремление «реакции» вернуть свои привилегии [Октябрьская революция..., с. 73].

В сборнике «Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе» также затронут ряд сюжетов. Упоминается Г. Бичерахов [Эмиров, 131] и само, возглавляемое им, белоказачье движение [Гиоев, Гугов, Улигов, с. 156]. Сам Бичерахов преподносится как марионетка англичан [Там же, с. 161]. По вопросу о взаимоотношении терцев с белым движением, сказано, что они (имеется в виду контрреволюционная часть войска) были

вполне солидарны с политикой генералов Деникина, а затем Врангеля [Жупикова, Эмиров, с. 233]. Но о терском войске в данном сборнике информации очень не много. Основное внимание уделяется разоблачению связи империалистов Антанты и Тройственного союза с Красновым и правительствами Закавказья.

В работе М. А. Хабаева о терцах упоминается мало. Но в целом общая концепция типична для советской историографии: терская беднота была союзником советской власти, а контрреволюционные верхи пытались помешать осуществлению всех начинаний и распространяли провокационные слухи [Хабаев, с. 46].

Работа Ш. Магомедова «Северный Кавказ в трех революциях: по материалам Терской и Дагестанской областей» также содержит традиционные взгляды на развитие противостояния в Терской области. «Вожаки контрреволюции» разжигали националистические настроения, натравливали казаков и горцев друг на друга, чтобы отвлечь их от решения давно назревших социальных проблем [Магомедов, 1986, с. 105—106]. Сразу же после Октябрьских событий новая власть озаботилась защитой завоеваний революции именно от казаков (тем более, что полковой комитет Кизлярско-Гребенской казачьего полка постановил не допустить переход власти в городе в руки большевиков) [Там же, с. 111]. Все конфликты на национальной почве рассматриваются исключительно как провокация «горско-казачьей контрреволюции» [Там же, с. 117].

Другая работа Ш. Магомедова «Октябрь на Тереке и в Дагестане» не содержит особых дополнений к первой. Указывается, как на «большую препону в прояснении классового сознания», что горцы и казаки все свои социальные беды видели друг в друге, а не «в колонизаторской политике царизма» [Магомедов, 1965, с. 7]. После победы большевиков в Петрограде Грозненский совет сразу же направил делегатов в казачьи станицы для разъяснения лозунгов советской власти и предотвращения столкновений между казаками и горцами [Там же, с. 113]. Из этого факта можно сделать вывод, что в тот период большевики еще не имели надежных союзников ни в лице горцев, ни в лице казаков.

Исследование Ю. И. Кониева «Автономия народов Северного Кавказа», как явствует из названия, была посвящена советской национальной политике на Северном Кавказе. О казачестве упоминается только в общих словах. В основном автор употребляет термин «казачья контрреволюция» [Кониев, с. 15, 16, 22].

В некоторых работах казачество описывается в целом, а не конкретно Терское. Так, в работе полковника М. С. Ангарского «Второй поход Антанты и его разгром» упоминаются Донское и Кубанское войска,

а о терском говорится лишь тогда, когда сообщается, что 1-я Терская дивизия в сражении под Воронежем понесла тяжелые потери от Красной армии [Ангарский, с. 62]. Ряд фактов весьма интересен: Ангарский пишет, что Деникина не поддерживала казачья беднота [Там же, с. 18].

Внимания заслуживает оценка казачьей контрреволюции историка А. П. Астащенко. По его словам, контрреволюция была узко сословной, казачьей, и в годы Гражданской войны на юге России образовалась своеобразная пирамида: сословную казачью контрреволюцию Дона, Кубани и Терека возглавила буржуазно-помещичья диктатура Деникина [Астащенко, с. 46].

О Терском войске в работе говорится, что оно не было самостоятельным и шло за войском Донским (следует отметить, что в большинстве работ указывается, что Терское войско следовало за правительством А. И. Деникина), а терское правительство тяготело к Добровольческой армии, т. к. находилось все время под угрозой чеченцев и ингушей [Там же, с. 50]. В работе упоминается и то, что Терское войско заботилось о поддержании добрых отношений с «мирными горскими народами (кабардинцами, осетинами)» [Там же, с. 51].

Региональными издательствами также публиковались биографии деятелей революционного движения на Тереке [Ахриев, 1967, 1968; Ошаев]. Так сложилось, что практически все они посвящены большевикам-горцам, поэтому о казачестве в данных книгах информации мало.

Своеобразным итогом развития советской историографии, затрагивающей тему участия всего казачества в целом, и терского в частности, в Гражданской войне стала работа А. Ермолина «Революция и казачество (1917—1920 гг.)». С одной стороны, в ней присутствуют все основные положения советской историографической традиции о событиях 1917—1920 гг., но, с другой стороны, описываются и новые факты, например связанные с красным террором против казачества. Все выступления казачьих войск против власти большевиков однозначно трактуются как форма борьбы российской реакции и мирового империализма против Республики Советов [Ермолин, с. 57]. Признается, что наряду с земельным вопросом, который стоял более остро, чем в других казачьих областях, в регионе имел место также и национальный вопрос. Но все конфликты на этой почве разжигались казачьими и горскими верхами [Там же, с. 65]. Отмечено в работе и то, что Съезд народов Терека пытался исправить «нежелательные последствия» от переселения четырех казачьих станиц [Там же, с. 112].

В целом, подводя итог изучению истории Терского казачества в Гражданской войне в советской литературе, можно сделать следующие выводы.

Советская историография рассматривала терское казачество в русле традиционной марксистской историографии — с классовых позиций. Это способствовало упрощенному восприятию конфликта в таком сложном, многоликом регионе, как Кавказ, представлению его как война между «бедными» и «богатыми». Другая черта советской историографической традиции (особенно на втором этапе) — стремление показать дружбу народов в Кавказском регионе. Все конфликты на этнической почве описываются, во-первых, как нечто нетипичное, а во-вторых, как «провокации», т. е. события, не имеющие объективных причин во времени.

Вместе с тем советской историографией было немало сделано для изучения данной темы. Во-первых, была собрана и систематизирована источниковая база. Накопленные факты активно используются в современных исследованиях. Также уделялось внимание таким темам, как состояние экономики, аграрного сектора в Терской области, история партийных организаций. В целом советская историография, несмотря на некоторый догматизм, ей присущий, не может считаться окончательно устаревшей, и ее наработки по отдельным вопросам могут быть использованы и в современных работах.

Абазатов М. А. Борьба трудящихся Чечено-ингушетии за Советскую власть (1917—1920 гг.). Грозный, 1969.

Ангарский М. С. Второй поход Антанты и его разгром. М., 1940.

Алексащенко А. П. Крах деникинщины. М., 1966.

Ахриев И. Г. Гапур Ахриев. Грозный, 1967.

Ахриев И. Г. Заама Яндиев. Грозный, 1968.

Берберов Х. М. Борьба трудящихся Кабарды и Балкарии за власть советов. Нальчик, 1957.

Буркин Н. Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1933.

Гюев М. И., Гугов Р. Х., Улигов У. А., Хмелевский К. А. Усиление антантовской интервенции на юге России // Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 154—167.

Ермолин А. П. Революция и казачество (1917—1920 гг.). М., 1982.

Жутикова Е. Ф., Эмиров Н. П. Крах политического бандитизма на Дону и Северном Кавказе // Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 228—250.

История Гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1943; Т. 4. М., 1958—1960.

Кониев И. Ю. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973.

Корнев Д. З. Революция на Тереке 1917—1918 годы. Орджоникидзе, 1967.

Кулов С. Д. Керменисты в борьбе за советскую власть. Орджоникидзе, 1973.

Кучиев В. Д. Октябрь и советы на Тереке: 1917—1918. Орджоникидзе, 1979.

Лежава А. А. Революционное содружество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе за победу Социалистической революции. М., 1978.

Магомедов Ш. М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965.

Магомедов Ш. М. Северный Кавказ в трех революциях: по материалам Терской и Дагестанской областей. М., 1986.

Октябрьская революция и Гражданская война в Северной Осетии / под ред. А. И. Мельчина. Орджоникидзе, 1973.

Ошаев Х. Д. Комбриг Тасуй. Грозный, 1970.

Хабаев М. А. Разрешение земельного вопроса в Северной Осетии (1918—1920 гг.). Орджоникидзе, 1963.

Шерман И. Л. Советская историография Гражданской войны в СССР (1920—1931). Харьков, 1964.

Эмиров Н. П. Германо-турецкая интервенция в Дагестане // Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 130—134.

УДК 930.25

А. С. Антропова

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АРХИВА ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Рассматривается возникновение и эволюция понятия «архив организации», а также место и роль архивов организаций в архивной системе в различные хронологические периоды. В качестве иллюстрации общих тенденций развития архивов организаций приводится история архива ОАО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод” имени Ф. Э. Дзержинского».

Ключевые слова: архив; архив организации; ведомственный архив; архивное дело; источник комплектования.

Дифференциация архивов на государственные и архивы организаций в первую очередь определяется жизненным циклом документа, который создается с определенной практической целью — для обмена информацией между людьми, как средство передачи ее во времени и пространстве и поэтому служит, прежде всего, конкретным нуждам производства и управления [см.: Долгих, с. 8]. В процессе своего существования документы проходят несколько стадий: оперативную, хранения в архиве организации, постоянного хранения в государственном или муниципальном архиве. С учетом этого момента, несмотря на то, что архивы организаций формально не входят в архивную систему страны, они являются ее важнейшим промежуточным звеном, так как выступают в качестве основных источников комплектования государственных и муниципальных архивов.